

Игорь Шестков "История с самолетом"

ИСТОРИЯ С САМОЛЕТОМ

Ни за что бы не поехал в эту промышленную дыру с убогим даунтауном, в Цинциннати, если бы не моя сводная сестра. Она пригласила меня, брата, отчима и маму встретить вместе с ней, ее мужем-американцем и двумя их сыновьями – Новый год. Мой сводный брат прилетел из Австралии, мама с отчимом – из Аляски, я – из Берлина.

Цинциннати стал для нас на несколько дней – центром мира. Какая честь!

Семейная встреча прошла так, как и полагается – много пили, много ели, вспоминали московскую жизнь, шутили... но весело не было, мама несколько раз плакала, жаловалась на удушье и боли в груди, говорила, что видит всех нас вместе в последний раз... брат хвастался своими коммерческими успехами, ему впрочем не очень верили, потому что знали, что деньги на авиабилет ему дал мой отчим, его отец... ходили вместе в музей искусств и в гигантский рыбный магазин, посмотрели несколько шумных и глупых экшен-фильмов на трехметровом экране нового, купленного в рассрочку на три года, телевизора, поиграли с избалованными и агрессивными сыновьями сестры, с ее противной полосатой кошкой и собакой, страдающей ожирением. И разъехались.

Утром четвертого января – улетели отчим и мама, днем – брат, а через три часа после него – и я.

Влез в такси и буркнул толстому чернокожему водителю, носившему на жирной шее тяжелую золотую цепочку с пятью крестами: Аэропорт, плиз. Третий терминал.

И мы поехали на юг, к мосту через Огайо, по широким улицам, покрытым пятисантиметровым ледяным панцирем. Из низких облаков сыпались маленькие льдинки. Было грустно.

На прощание помахал рукой хозяевам дома. Заметил, что деревянная улыбка на лошадином лице мужа моей сестры уже сменилась гримасой всегдашней деловой озабоченности (бедняга работал коммивояжером, колесил по окрестностям на своем подержанном Форде и пытался всучить домохозяйкам сомнительную продукцию одной местной фирмы, производящей какие-то

особенные пылесосы), а сестра опустила глаза, чтобы не показать, как она рада... наконец-то покой. Она не любила ни меня, ни брата, которого ревновала к матери, не скрывала своей неприязни в личном общении, но при родителях старалась, как могла, излучать только флюиды доброжелательности и любви. Получалось это у нее не всегда.

Я тоже не любил младшую меня на девять лет сестру. Не знаю, почему. Может быть потому, что не подходил на роль старшего брата, защитника и всезнайки. А может быть – из-за ее чуть-чуть нагловатого курносого носика, и острого глаза, замечавшего все мои виляния и финтифанты.

Сводного брата, любимца нашей старенькой матери, я почти не знал – он родился после того, как я оставил семейное гнездо. Он носил по-женски длинные волосы, которые прикрывали его нелепые оттопыренные уши. У него были пустые, ничего не выражающие глаза. Огонек появлялся в них только тогда, когда ему предоставляли возможность рассказать что-либо лестное о самом себе. О его роскошной вилле в окрестностях Аделаиды, на берегу океана, которую никто никогда не видел, о прекрасной работе, высоких доходах и сексуальных подвигах. В эти моменты он напоминал мне упрямого паяца-неудачника, дудящего в свою дуду и поднимающего и поднимающего гири на маленькой арене домашнего цирка. Резиновые, надутые гири. Прекрасно знающего, что даже белые цирковые лошади, украшенные тропическими перьями, ему не верят.

...

Вот и аэропорт. Невероятно длинный широкий коридор...

Любезная девушка на регистрации прикрепила к моей сумке жёлтенькую бумажку – движущаяся дорожка тут же утянула сумку в подвижные механические кишки великана – и выложила передо мной выдавшую виды складную схему сидений межконтинентального варианта DC-10. Я выбрал последний ряд, место у прохода. Там, где справа и слева – по два сидения, а пяти сидений между ними – уже нет. Надеялся, что смогу вытянуть ноги. Да и к хвосту поближе. Какой-то эксперт в телевизоре, не помню когда, убедил меня в том, что вероятность пережить авиационную катастрофу в хвосте выше, чем в любой другой точке самолета. С тех пор я всегда, если возможно, прошу дать

мне место в хвосте. Хотя там бывает шумно и туалеты рядом.

Прошел предполетный досмотр и паспортный контроль. Походил несколько минут между сверкающих витрин магазина «дьюти-фри». Так хотелось купить что-нибудь дорогое, сверкающее, приятно пахнущее... то, что и через десять лет будет напоминать о семейной встрече в Огайо, в центре мира. Но в кармане у меня после покупки джинсов и рубашек любимой фирмы Ли было пусто. Отчим предлагал мне двести долларов, но я не взял, постеснялся. И сейчас пожалел об этом. Не взял, потому что заметил презрительную ухмылочку, которой наградила меня сестра, случайно проходившая мимо нас и заметившая в руках отца зеленоватые бумажки.

Просидел полтора часа на неудобном стуле в «накопителе» у пятых ворот и наконец вошел в самолет. Перед тем, как войти, похлопал самолет три раза по потертому алюминиевому боку – по традиции, которой придерживаюсь начиная с первого моего полета, по маршруту Внуково – Адлер. На ужасной машине с четырьмя пропеллерами – Ил 18. После трех часов полета в этом вибрирующем гробу, наполненном ревом, – даже жалкая советская курортная реальность казалась раем. Иллюзия эта впрочем быстро улетучилась. После того, как я увидел покрытые волдырями ноги и ужасные ногти на грязных коротких пальцах хозяина снятой нами комнатки в сарае «с видом на море». И послушал его речь.

Сел на свое место, пристегнулся, закрыл глаза и попытался успокоить нервы и уснуть. Это было нелегко. Многие пассажиры громко разговаривали, то и дело открывали и с грохотом захлопывали полки для ручной клади под потолком, где-то недалеко истошно кричал младенец...

Неизбежный в каждом самолете толстяк, шумно дыша, сел в кресло передо мной. Сидение жалобно заскрипело. Обильная испарина на его лысине делала ее похожей на рябую морду безглазого, безносого и безротового демона.

Несколько солдат, возвращающихся в южные края после отпуска, затеяли игру в мяч и тут же попали им в крутую грудь сурового вида дамы, по-видимому мексиканки, которая начала их отчитывать по-испански, бросая огненные взгляды и эмоционально жестикулируя.

Трое подвыпивших гуляк в одинаковых малиновых пиджаках и зеленых, в

красную крапинку галстуков, настоятельно требовали у худенькой миловидной мулатки-стюардессы принести им выпивку, а она, хмыкая и стараясь не рассмеяться, объясняла им, что виски они получат только после набора самолетом заданной высоты полета и за отдельную плату.

Шесть монашенок-урсулинок в простых черных рясах явно задумали совершить молебен. Окружили стайкой свою главную, полную, старую и строгую монашку и тихо запели.

...

Большинство пассажиров эконома класса составляли деловые люди. Сдержанные, сосредоточенные, одинаково одетые джентльмены. Аккуратно уложив свои длинные темные пальто и светлые шарфы на полки над головами и усевшись в свои кресла, они тут же доставали из солидных дипломатов свои тоненькие дорогие ноутбуки и углублялись в какие-то бегающие столбцы цифр и диаграммы. Стюардессы почему-то не запрещали им пользоваться компьютерами. Это могло означать только одно – вылет наш задерживался.

Почему?

Каждый раз, усаживаясь в самолетное кресло, я представляю себе, как на одиннадцатикилометровой высоте фюзеляж трескается, от него отскакивает огромный кусок, и я вылетаю из самолета как камень из римской катапульты вместе с креслом и бешено визжащими соседями. И вот, я несусь, сидя в кресле, в бездонную пропасть... воздух свистит в ушах... А там, внизу, меня ждет не мягкая спасительная голубизна небольшого уютного озера, а тяжелые, темные, тридцатиметровые атлантические волны, увенчанные желтой пеной, и прожорливые крылатые акулы.

Разбудила меня пожилая дама в манто из лисы, соседка. Пропустил ее на ее место, покивал, поулыбался и опять закрыл глаза.

Посадка затянулась минут на сорок пять. Когда же мы взлетим? Осточертело ждать...

Все давно сидели на своих местах. Толстяк с лысиной читал книгу с рыцарем и драконом на обложке. Солдаты и гуляки в малиновых пиджаках утихомирились и задремали. Урсулинки разошлись по своим местам и углубились в чтение маленьких молитвенников в черных переплетах. Деловые люди закрыли

ноутбуки и мечтательно медитировали на золотого тельца.

Но мы так и не тронулись.

По проходам между креслами ходили стюардессы и сосредоточенно считали пассажиров. Как колхозники – белые грибы в корзинке. Их во времена моего детства иногда продавали поштучно.

Неожиданно из громкоговорителя донесся вежливый, печальный, но настырный мужской баритон. Не к добру!

Баритон поведал нам трагическую историю. Оказывается, на нашем самолете летела во Франкфурт большая группа бизнесменов и банкиров (человек двести) для проведения важнейших консультаций с немецкими коллегами из Дойче Банка. Во время покупки авиабилетов для этой группы из-за досадной ошибки организаторов было неправильно названо количество людей. Группе не хватает одного места. Самолет полон. Так вот, не согласится ли какой-либо пассажир или пассажирка уступить свое место участнику группы? Дирекция авиакомпании Дельта сейчас же вручит добровольцу билет на завтрашний рейс во Франкфурт – в первом классе, но с пересадкой в Нью-Йорке. Кроме того, оплатит ночевку в гостинице Хилтон и наградит премией. Тысяча долларов в руки! Стодолларовыми бумажками.

Предложение было заманчивым, но было так неохота – вставать, тащиться в гостиницу, а завтра опять проходить досмотры, делать пересадку и ждать, ждать, ждать... Поэтому я остался в своем кресле и снова попытался заснуть.

Через три минуты баритон повторил свое предложение. Только сумму назвал уже другую – две тысячи долларов. Никто не откликнулся...

Через пять минут баритон опять заговорил. На сей раз он посулил три с половиной тысячи. Я, ни секунды не колеблясь, встал и помахал стюардессе посадочным талоном. Кивнул. Кажется, я только на долю секунды опередил толстяка...

Пассажиры зааплодировали. Многие деловые люди показали мне хорошо отбеленные кукурузные зубы и поднятый вверх большой палец. Я раскланялся и отправился к выходу.

Когда я выходил из самолета, ко мне подошел банкир-бизнесмен без места.

Высокой, чем-то напоминавший президента Рузвельта, солидный американский

дядя. Он осчастливил меня приветливой улыбкой на холеной физиономии, украшенной синеватыми мешочками под серыми усталыми глазами, кратко поблагодарил и исчез в недрах DC-10.

Да, компания Дельта выполнила обещание.

Мне дали новый билет в Берлин через Нью-Йорк и Франкфурт, 3500 долларов наличными и гостиничную магнитную карточку. Сотрудник компании проводил меня до выхода из аэропорта и показал пальцем на оранжевую иллюминацию на фасаде отеля. До него было рукой подать.

...

В лобби Хилтона было подозрительно безлюдно. Ни портье, ни носильщиков. Сумеречная зона?

На мониторе электрического камина потрескивал потусторонний огонек. На круглом столе стояла ваза в форме руки Мефистофеля с неизвестными мне красными цветами. Тоже искусственными. Хрустальная люстра заливала лобби раздробленным на тысячи пятнышек фиолетовым светом. На стене висели несколько абстрактных картин и два крупных циферблата со стрелками. Почему-то они показывали разное время. Без пятнадцати три и ровно шесть. Я посмотрел на свои часы, на самом деле было десять минут девятого вечера. Странно! Поднялся на лифте на седьмой этаж, нашел свой номер, открыл дверь карточкой и упал в изнеможении на широкую кровать с похрустывающими белыми простынями.

...

Проснулся от назойливого стука в дверь.

Открыл. На пороге стоял портье, ужасно похожий на волшебника из довоенного фильма «Волшебник страны Оз». Блондинистый энтузиаст с выпученными глазами. Среднего возраста. В меру упитанный. С фальшивым бриллиантом на зажиме для галстука. Почему-то с цилиндром и тросточкой в руке.

Волшебник представился и извинился за беспокойство. Бриллиант его застенчиво сверкнул голубоватой гранью.

Он хотел узнать, все ли в порядке. Лично убедиться.

– Спасибо, все замечательно.

– Очень, очень рад это услышать... Хочу вам сообщить, что компания Дельта

великодушно оплатила вам не только завтрашний завтрак, но и сегодняшний ужин. Вы можете спуститься в наш главный ресторан, который мы зовем Красным салоном. Из-за алой драпировки на стенах. Это шелк «туссар» из Утар Прадеша. Очень рекомендую наше фирменное блюдо – жареные осьминоги с хрустящими овощами. И белое калифорнийское вино. Хороши и шампиньоны с паштетом из сенегальских раков.

– Спасибо. Но я бы предпочел что-нибудь легкое. Куриное суфле с брусничным соусом, ванильный пудинг и пасту с пармезаном. Два стакана апельсинового сока без льда. И еще... у меня нет сил идти в ресторан, да и мой смокинг остался в сумке, которая уже летит во Франкфурт... не могу ли я поесть в номере?

– Ах, разумеется, разумеется. Я передам. Вам все сюда принесут. Суфле, пудинг, паста... У вас вкусы европейца... вы чех или поляк? Не хотели бы вы на десерт...

Портье сладко загримасничал и обрисовал пухлой ладошкой некие заманчивые округлости.

Я кивнул. Исключительно из озорства. Никакой охоты вступать в интимные отношения с кем бы то ни было у меня не было. Но я вспомнил «Над пропастью во ржи» и вдруг почувствовал себя шестнадцатилетним подростком. Пачка стодолларовых купюр приятно оттопыривала карман.

– Если бы вы сказали, что вы предпочитаете... у нас большой выбор... мы найдем то, что надо, позвоним, девушка сядет на такси и через полчаса будет здесь.

– Почему вы уверены, что это девушка, а не юноша или борзая собака?

Волшебник нахмурился и сосредоточился...

– Не надо хмуриться! До мировой революции еще далеко. Итак... прошу вас прислать ко мне худую белую женщину с большим... хм... природным бюстом, не наркоманку, не алкоголичку и не больную СПИДом. По возможности без драм и историй... Лет сорока пяти. В алом бюстгальтере.

Портье угодливо кивнул. Потом сострил: Алый лифчик? Без драм и историй? Это будет вдвое дороже.

– Вот, возьмите за услуги.

Я подал ему купюру с изображением Бенджамина Франклина. Волшебник

страны Оз принял ее как-то индифферентно. Кажется, он ожидал большего.

Бриллиант его потух. Пришлось дать ему еще одну сотню. Я физически ощутил, как полегчала моя заветная пачка.

Ужин прибыл через сорок минут.

Суфле немного подгорело. Пудинг был приторным. Паста – пересоленной. Надо было взять жареных осьминогов! Или сенегальских раков.

Зато сок был превосходным.

...

Дама моя пришла только часа через полтора после того, как я отужинал. Я уже и ждать перестал, подумал даже, не разыграл ли меня портье. Английский я знал неважно. Может быть, я его неправильно понял, или он меня...

К моему удивлению – она в точности соответствовала моему описанию. К тому же была рыжей. А мне всегда нравились рыжие женщины. Только лет ей было явно меньше, не сорок пять, как я заказывал, а тридцать. Или тридцать пять.

Я поприветствовал ее и попросил сесть в кресло. Она села и нервно повела узкими плечами. Успел ее рассмотреть прежде, чем она заговорила.

Худая. Зеленоглазая. Из-под ее коротенькой меховой курточки выглядывал красный бюстгальтер. Тесно облегавший пышную грудь. Замшевая мини-юбка напомнила мне времена моей юности. Темно-красные узорчатые колготки.

Туфли на высоком каблуке с серебряными звездочками. Голос у гетеры был резкий, неприятный. Тон – почти властный.

– Французский секс – восемьдесят. Обычный – только с презервативом – сто. Анальный – двести. За ночь – триста. Деньги вперед.

Цены явно кусались. Предлагаемый товар – тоже.

Мне стало тоскливо. Какого черта я позвал сюда эту вульгарную бабу?

Что я тут делаю, в этом мерзком отеле? Зачем ушел из самолета? Летел бы и летел.

Пришлось сурово ответить самому себе: Ты польстился на деньги. Пожадничал.

Хотя много лет потратил на то, чтобы выкинуть из сердца жадность... А теперь, когда получил незаработанные деньги, захотел еще и женщину. Теперь заткнись и принимай все, что тебе жизнь подсунет, как должное.

Жрица любви восприняла мое молчание как признак несогласия с ее ценами.

Недовольно сморщила нос. Поджала полные губы.

– Как тебя зовут?

– Не все ли равно? Ты будешь платить?

– Буду, не тревожься.

– Трэси ван Холд. Я родом из Голландии.

– По-немецки говоришь?

– Да, я родилась и училась в школе недалеко от Аахена.

Я перешел на немецкий.

– Пожалуйста, говори со мной на немецком. Это язык моей новой родины.

– Яволь, мой господин.

– Ты меня смутила. Я не могу планировать секс. Дело не в деньгах. Вот, возьми триста баксов и постарайся вести себя не как проститутка, а просто как женщина, пришедшая на свидание с любовником среднего возраста. Женщина вечером. Как поэтично! Если тебе со мной тошно, можешь сейчас же уйти... деньги оставь себе.

Лицо ее прояснилось и подобрело. В зеленых зрачках появились желтые искорки.

Заговорила она после долгой паузы. Мягко и доверительно.

– Ты просишь меня о том, что для таких как я – самое трудное. Снять маску и быть человеком. Потому что я уже десять лет – механическая кукла. Дернешь за одну веревочку – я раздвину бедра, дернешь за другую – изображу оргазм.

Пойми, я ненавижу секс. Ненавижу мужчин. Их сперму, их фаллосы, из задницы, которые столько раз лизала, их руки, губы... Ты даже представить не можешь, что они меня иногда просят изобразить... Дочку-школьницу, престарелую мать, распятую лошадь, ожившую во время сношения покойницу, один раз мне даже пришлось изображать девочку-еврейку, которую истязает пьяный эсэсовец в концентрационном лагере... Я бы кастрировала всех таких клиентов, если бы во мне была хоть капля мужества. Но я – дура, трусиха, эгоистка. Люблю деньги, комфорт. Я чудовище среди других чудовищ.

– Все это не ново. Не терзайся так. Тебе просто не повезло. Работа скверная. Ты видишь мужчин такими, какими они являются на самом деле. Только ты и знаешь правду о нас. Напиши книжку, будет бестселлером.

– Спасибо за совет. Только не поможет мне книжка... Знаешь, я сама все испортила. Сама выбрала этот путь. Никто меня в детстве не насиловал, к проституции не принуждал. Пойду до конца. Накоплю денег и открою магазинчик ливерных колбас.

– Ливерная колбаса? Как это не кошерно! Я тебя тоже ни к чему не принуждаю. Я не эсэсовец, меня не надо кастрировать. Хочешь полежать в ванне? Тут чистая ванна. В оранжевой бутылочке – медовый экстракт. Пяти капель достаточно... Заказать тебе что-нибудь поесть или выпить? Ливерную колбасу? У меня тут неограниченный кредит.

– Не надо. Я полежу немного в ванне... ты меня растрогал, я разболталась с клиентом как дура.

...

Через полчаса она позвала меня.

Я забрался к ней в ванну. Трэси вымазала мне голову пеной... сделала из пены рога... засмеялась.

– Где ты живешь?

– В Берлине.

– Ты женат?

– Разведен.

– Богат?

– Нет, что ты, разве я похож на богача?

– Что ты делал в этом паршивом городе?

– Посещал сестру. Семейная встреча.

– Откуда у тебя столько нала?

Рассказал ей все.

Трэси мне не поверила. Качала головой и смеялась. Порозовевшее ее лицо излучало доброту и радость, рыжие кудряшки рассыпались по плечам.

Ее тело и медовый аромат пьянили меня...

Спросила: Хочешь меня поцеловать?

– Очень хочу. Учти, я делал это последний раз лет сто назад и забыл, как это делается.

– Вспомнишь. Ложись на меня.

Я не без труда лег на нее, выплеснув из ванны на кафельный пол литра три пены, Трэси обвила меня руками и ногами. Мы поцеловались.

Позволила мне пососать свой юркий язычок и пососала мой.

Потом влезла кончиком языка мне в ухо.

Прошептала страстно: Малыш, хочешь покормить меня топленым молочком?

Я почувствовал, что она превратилась в сладострастную куклу, и что мне теперь все позволено. Прорычал: Нет, я хочу пороть тебя ремешком по заднице и сиськам, а потом насрать тебе в рот, грязная голландская шлюха!

В ответ я услышал только астральный смех...

Мы вылезли из ванны, вытерлись и легли в постель.

Умница Трэси оказалась мастером своего дела. Я долго не мог оторваться от нее.

Потерял себя и изо всех сил боролся за наслаждение.

Ушла она часа в три ночи. На прощанье мы молча обнялись.

Ночь проглотила ее.

...

Утром меня разбудил все тот же портье, похожий на волшебника. Алмаз на его галстуке лучился как сверхновая.

Он стоял рядом с кроватью и дергал меня за ногу.

– Эй, господин поляк, проснитесь!

Меня ослепил яростный свет фотовспышек. Зажмурился от боли.

Послышались голоса: Он не знает, не знает, не знает... надо сказать ему... надо сказать.

Сел на кровати, зевнул... Побагровевший от волнения портье тряс меня за плечо. Ложе мое с разметанными по нему простынями и одеялами окружали фотокорреспонденты и операторы с видеокамерами. Неизвестные мне мужчины и женщины совали мне в лицо свои микрофоны. Все они что-то говорили, говорили. Что-то меня спрашивали. Я ничего не мог понять.

Встал, завернулся в простыню и пробился сквозь плотную толпу непонятно что хотящих от меня людей – в ванную.

Помочился.

Впустил портье.

Тот проговорил, заикаясь от волнения: Самолет во Франкфурт, на котором вы

должны были лететь, упал в океан у берегов Шотландии. Взорвался в воздухе. Обломки разлетелись по площади в двадцать квадратных километров. Перед полетом многие из пассажиров этого рейса ночевали у нас. Прекрасные, умные люди! Никто не спасся.

Последнее предложение он повторил четыре раза. Жутко выпучил глаза и разрыдался.

– А что в моем номере делают эти...

– Они хотят взять у вас интервью. У заново рожденного счастливчика. Это я впустил их в номер, извините.

– Это я – счастливчик? Да что они обо мне знают? Что вы обо мне знаете? Может быть у меня хроническая диарея и аллергия на солнечный свет... Или я серийный убийца.

На добром лице волшебника отобразился страх.

Я вышел из ванной и объявил, что никаких интервью давать не буду, что мне требуется время на осознание произошедшего. Попросил всех незамедлительно покинуть мой номер. Пригрозил вызвать полицию.

Один корреспондент спросил меня уже из-за двери: Благодарны ли вы судьбе? Что теперь собираетесь делать?

Я прокричал ему: Благодарен. Жить как прежде, что еще.

– Как вы думаете, за что провидение пощадило вас? Одного из почти трехсот человек. Что вас спасло?

– Меня спасла моя жадность.

...

После завтрака пришли два сотрудника полиции и целый час мурыжили меня бессмысленными вопросами. Несколько раз спрашивали о содержимом моей сумки. Затем им кто-то позвонил. Отпустили, наконец.

Я догадался, что спасатели, там, у берегов Шотландии, очевидно нашли мою сумку или то, что от нее осталось. Без следов взрывчатки...

По дороге в Нью-Йорк я старался не думать о том, как выглядело бы сейчас мое изуродованное взрывом и обгрызенное акулами тело, лежащее на дне океана, если бы организаторы поездки банкиров правильно указали количество участников встречи. Сидел в гордом одиночестве в просторном салоне первого

класса и глядел в окошко, на облака. Это успокаивало. Странно. Мне все время казалось, что из облаков на меня смотрит мой синелицкий двойник. Напряженно смотрит и иногда иронично помахивает мне синей правой рукой с знакомым перстнем на мизинце.

А когда мы уже подлетали к аэропорту имени Кеннеди, и мне открылся потрясающий вид на Манхэттен, тогда еще не потерявший высоченные башни-близнецы, я неожиданно для самого себя решил остаться в Нью-Йорке на недельку, зайти в МоМА и в Метрополитен-музей, поклоняться по Бродвею, навестить секс-шопы на 42-й улице и одноклассников, обосновавшихся тут еще в начале восьмидесятых.

Симпатичный сотрудник Дельты не сразу понял, что я от него хочу. Прочитал мне нотацию с глубокомысленным видом: Вы не должны были обращаться ко мне. Для таких как вы есть специальное бюро. Кажется, на третьем этаже.

– Кажется? Тогда вам придется самому поменять мне авиабилет.

Вертел и вертел мой немецкий паспорт, нервно покашливал, то и дело смотрел на часы и несильно стучал кулачком по пульту. Тянул время... вел себя так, как будто я попросил его о чем-то невозможном, вроде путешествия на Марс.

Назойливо напоминал мне, что мой самолет вылетает уже через час и что мне пора идти к воротам... Наконец, он смилостивился и оформил мне новый билет в Берлин через Франкфурт, только уже не в первом, а в эконом классе.

...

Садясь в такси, я от волнения нарушил железное правило – не садиться рядом с шофером. Шофер такси, точная копия шофера в Цинциннати, даже его золотая цепочка на толстой шее тоже была с пятью крестами, посмотрел на меня с опаской, а потом, когда убедился в том, что я у меня нет дурных намерений, спросил, посмеиваясь: Ты что... хочешь меня ограбить или отсосать?

– Ни то, ни другое. Я только хотел посмотреть на город через ветровое стекло...

– Посмотреть на город? Ты гребаный турист?

– Ну да. А ты за кого меня принял?

– За гангстера-иностранца, который прибыл в Биг Эппл чтобы замочить кого-то и в тот же день улететь на родину.

Он подвез меня к неказистому пятиэтажному дому на одной из восьмидесятых

улиц Вест-Сайда.

Вылез из такси.

...

Дома, дома, дома.

Какая плотная застройка! Бездушный, голый, довлеющий себе урбанизм. Не продохнуть. Люди, которые тут жили раньше – были не живыми существами, а придатками к фабрике, магазину или банку. А высокая преступность в этих краях была не только мезью неправильной шестеренки, не нашедшей своего места в механизме, но и естественной реакцией человека на украденное пространство, солнце, воздух, зеленый мир, свободу. Постройка Центрального парка была лишь частично удавшейся попыткой понизить урбаническое напряжение этих мест.

Один чернокожий парень сдавал тут нелегально несколько маленьких комнатух на крыше по 25 долларов за ночь. Останавливались у него бедняки, малоуспешные карманники и пуэрториканские шлюхи...

Он узнал мой голос, открыл мне зарешеченную дверь и, ни слова не говоря, забрал у меня сотню и выдал ключ от «номера». Потатился наверх по грязной лестнице. Когда был уже на втором этаже услышал его бурчание: Ты, я смотрю, разбогател. Будь осторожен, позавчера в соседнем дворе прижмурили одного цветного.

– Может, кто из твоих постояльцев отметился?

– Возможно.

Поднялся в номер. Там стояли – койка, стул, небольшой шкаф и старое радио на тумбочке. В предбаннике был закуток с крохотным душем и толчком, а над койкой висела картинка, до того засиженная мухами и засранная тараканами, что разобрать, что на ней нарисовано, не было никакой возможности. Из соседних номеров доносились мужская ругань и женский плач. И еще – какие-то глухие удары, как будто кто-то бился головой в стену. Вспомнил анекдот про негра, который любил, когда боль проходит...

Из окна было видно только серую стену другого дома. Без окон и даже без граффити. Сквозь грязь и облупившуюся краску проступали старинные буквы: LONELY CLUB.

Одинокий крюк торчал из этой стены. Ржавый и жуткий. Мое воображение тут же пририсовало к нему целую гроздь повешенных на нем чернокожих без штанов.

Неожиданно, прямо из стены высунулся мой синелицкий двойник и уставился на меня. Показал мне рукой вниз...

Я посмотрел туда и увидел не замызганный двор, а как бы дно океана. Между розоватыми кораллами плавали незнакомые мне рыбы, по песку ползали крабы, морские звезды и пауки. Тут же лежал труп с распоротой грудной клеткой. Его руки и ноги сожрали акулы.

Я отошел от окна и задернул грязную занавеску.

...

Решил освежиться...

Вышел на улицу... прошел несколько кварталов... оказался на Бродвее, свернул направо и двинул на юг. К манящей меня сорок второй улице.

Но так до нее и не дошел. Свернул куда-то, потом еще раз, еще...

Как будто дьявол вёл меня за руку.

Сам не знаю как, оказался перед мрачным высоким зданием, на одиннадцатом этаже которого размещался ночной клуб Бонанца, попасть в который можно было только поднявшись по пожарной лестнице, небрежно прикрепленной к фасаду.

Почему-то я был твердо уверен в том, что мне надо непременно зайти в это заведение, что меня там ждут. Вскарabкался по стонущей и дрожащей лестнице, поминутно теряя дыхание и рискуя сорваться вместе с ней в пропасть.

Влез в клуб через высокое открытое окно.

...

В небольшом помещении стояли несколько столиков, за которыми сидели посетители.

За полукруглой барной стойкой помещался уютный толстяк-бармен с шейкером в руках, лицо и лысина которого показались мне знакомыми.

У стойки сидели шесть монашенок-урсулинок и пили Манхэттен. Когда я вошел, все они посмотрели на меня, и я заметил, что у них – одинаковые лица, похожие на монгольскую маску демона.

За одним из столиков сидела пожилая дама в лисьем манто. Она приветливо помахала мне рукой в белой перчатке и пригласила сесть за ее столик.

Как только я сел, к нам подошли три официанта в малиновых пиджаках и зеленых галстуках и заговорили одновременно.

Они говорили так быстро, что я едва их понимал.

Первый: Не желаете ли жареного осьминога?

Второй: Или лучше – шампиньонов с сенегальскими раками?

Третий: Я принесу вам все, что угодно, только не куриное суфле. Это не американская еда! Есть его тут – не патриотично. Идите к своим. У нас приличное заведение!

Первый: Заявляю вам официально – пасту с пармезаном в нашем клубе не подают! Да-с, не подают! Даже иностранцам. А тем более тем, кто оттуда.

Оттуда, понимаете?

Второй: Также как и ванильный пудинг. Его лопают только суффражистки. Пейте апельсиновый сок, он оживляет покойников! И не ешьте паштеты, это вредно!

Третий: Исчезните, мистер. Вам тут не место!

Первый и второй вместе: Не место!

Я хотел встать и уйти, но мне на плечо положила руку мексиканка с высокой грудью.

– Хочешь покинуть нас? Брезгуешь? Но ведь ты даже не попробовал наш фирменный десерт!

Она многозначительно улыбнулась и расстегнула блузку... вывалила левую грудь, как мешок с мукой, на живот. Я заметил синие жилки под ее кожей и отвел глаза.

Неожиданно в клуб ворвались трое расхристанных солдат... у каждого из них был в руках баскетбольный мяч. Один из солдат залихватски крикнул бармену: Эй дядя, где кольцо? Нам нужно тренироваться. На носу чемпионат мира. Ура! И тут же на стене клуба появилось кольцо, только не баскетбольное, а цирковое. Через которое прыгают на арене дрессированные тигры. Кольцо это загорелось, в него прыгнула большая черная пантера.

Пантера эта потом подошла ко мне и сказала: Милый, ты был так добр, и я хочу оказать тебе услугу. Я спасу тебя. Потому что я прыгунья. Хочешь прыгнуть

вместе со мной с одиннадцатого этажа? Уверяю тебя, мы не разобьемся. Это ведь совсем не то, что падать в самолетном кресле с одиннадцатикилометровой высоты после взрыва топливного бака. Это вовсе не так опасно. Особенно для пантер и магистров...

Тут я заметил, что это не пантера, а рыжая Трэси, в своих тёмно-красных узорчатых колготках и бордовом бюстгальтере.

Огромный хор мертвых банкиров, выстроившихся вдоль границы Центрального парка затянул: *Once there were green fields kissed by the sun...*

Солировал президент Рузвельт.

Я покорно пошел за Трэси... потому что все уже понял. Мы вылезли на шаткую лестницу и, взявшись за руки, бросились вниз.

Как Трэси и обещала, мы не разбились.